

УДК 27

Андреева Елена Владимировна

канд. ист. наук, замдекана по инновационной и методической работе факультета социальной психологии, доцент кафедры «Реклама» Гуманитарного университета (г. Екатеринбург)
E-mail: lenaandreeva@e1.ru

Andreeva Elena Vladimirovna

Candidate of History, Deputy Dean on Innovations and Methodology, Faculty of Social Psychology, Associate Professor at Advertising Chair, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

**СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОНАСТЫРЕЙ
ВОСТОЧНОГО УРАЛА
И ЕЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ**

**SOCIAL AND CULTURAL
ACTIVITIES OF THE EASTERN
URALS MONASTERIES
AND THEIR SOCIAL SIGNIFICANCE**

Аннотация

К социальной деятельности монастырей Восточного Урала в конце XIX – начале XX в. относились проповедничество, организация культа святых, развитие культового искусства, религиозного образования, воспитание сирот и благотворительность. Масштаб социальной деятельности монастырей Екатеринбургской епархии стал мерилем эффективности монастырского хозяйства в целом, на что указывают впервые рассмотренные автором архивные документы.

Ключевые слова: благотворительность; приход; община; монастырь; Синод; благочинный; Екатеринбургская епархия; приюты; богадельни; церковно-приходские школы.

Abstract

Social activities of Eastern Urals Monasteries at the end of the 19th and at the beginning of the 20th centuries included preaching, the cult of the Saints arranging, religious art and education promoting, orphans' treatment and charity. A large scale of Ekaterinburg eparchy monasteries' social activities set an example for monasteries' economy efficiency, and the fact is proved by the first introduced archival documents.

Key words: charity; parish; common vestry; monastery; Synod; Devout; Ekaterinburg eparchy; hospitium; alms-house; parochial schools.

В наши дни необходимо учитывать преимущество влияния монастырей на жизнь общества, так как «от состояния исторического сознания, уровня его устойчивости и воздействия на общественное сознание зависит степень социальной стабильности, способность общества к выживанию в критических обстоятельствах и ситуациях» [1. С. 54–55].

В этой связи становятся актуальными исследования, призванные выявить направления социально-культурной деятельности организаций, которые являются традиционными для русского понимания феноменов благотворительности.

Опыт дореволюционной России представляется особенно ценным, так как он позволяет утверждать, что социальная ответственность в современных терминах явление не новое, не заимствованное, а традиционное и исторически многогранное в своих проявлениях. Одним из примеров отечественной традиции благотворительности является социальная деятельность русских монастырей – родоначальников организованной некоммерческой социально-благотворительной деятельности в России. Монашеская социальная деятельность, если окинуть взглядом

несколько столетий русской истории, приносила удивительные по размаху и качеству результаты [2].

Монастыри всегда оказывали большое содействие в делах благотворительности. В Екатеринбургской епархии на 1895 г. было несколько благотворительных заведений: 1) епархиальное попечительство о бедных духовного звания; 2) епархиальный миссионерский комитет православного Палестинского общества (Каслинский башкирский приют); 3) 166 церковно-приходских попечительств; 4) две больницы – при Верхотурском Николаевском мужском и при Екатеринбургском Новотихвинском женском монастырях; 5) пять богаделен: при Далматовском мужском монастыре, при Верхотурской Покровской церкви женской общины, при Красногорской Спасской церкви Верхотурского уезда, при Нижнетагильской Входаиерусалимской церкви, при Введенской церкви Нижнетагильского завода; 6) два странноприимных дома при богадельнях Красногорской Спасской и Верхотурской Покровской церквей [3]. Из вышеперечисленного видно, что в основном благотворительностью занимались монастыри или церкви, находившиеся в ведении женских общин, которые позднее были признаны монастырями.

Следует отметить, что именно женские монастыри в большей мере в XIX в. были ориентированы на благотворительную деятельность, что отчасти было связано с государственным законодательством. В 1870 г. вышел указ, по которому женский монастырь или женскую общину можно было основать только в том случае, если при нем существовало какое-нибудь благотворительное учреждение: школа, училище, больница, аптека. В то же время женские монастыри в силу неопределенности своего статуса в меньшей мере, чем мужские, могли рассчитывать на вклады богатых жертвователей и еще меньше – на государственное штатное содержание, они должны были обеспечивать свое существование за счет огромного трудолюбия [2].

Согласно большинству уставов, благотворительность являлась обязательной для монахов. Все излишки монастырских средств и имущества они должны были раздавать нищим. Поэтому для осуществления этой функции при монастырях строились богадельни, приюты и больницы.

Первоначально появившиеся больницы при монастырях оказывали медицинскую помощь своим насельникам, позднее – паломникам и богомольцам. Бывали случаи, когда монашествующие обращались за помощью к земским врачам. В Екатеринбургском женском монастыре больница в 1881 г. имела 26 койко-мест, при ней была аптека с медикаментами первой необходимости. Помощь оказывал приглашенный монастырем постоянный врач [4]. При Далматовском мужском монастыре больница открылась с 1871 г. на 5 койко-мест, заведовал ею врач местной земской больницы [5]. При вновь появившихся после 1895 г. монастырях и женских общинах больниц не было.

Социальная значимость монастырей являлась миру в особенно трудные для народа и государства моменты исторических испытаний. Начиная с Крымской войны (1853–1856), а затем во время войн с Турцией, Японией и в Первую мировую войну насельницы женских монастырей отправлялись на фронт в качестве сестер милосердия, а мужские монастыри размещали у себя демобилизованных раненых воинов [2].

Каждый год благочинные Екатеринбургской епархии собирали деньги на раненых и больных воинов. Большие суммы для этих целей отдавали настоятели монастырей, причем порой из собственных средств [6].

Так, в 1907 г. начальник гарнизона г. Хабаровска испрашивал содействия у настоятелей монастырей Екатеринбургской епархии в деле благоустройства хабаровского военного кладбища, на котором были похоронены те, кто в годы Русско-японской войны находился в госпиталях г. Хабаровска. По предварительному подсчету, монастырями было пожертвовано около 3000 руб., о чем упоминалось в приказе по гарнизону и сообщалось в газетах [7].

Сами монахи были освобождены от военной службы. Указом от 8 апреля 1894 г. наместникам Верхотурского, Далматовского, Кыртомского мужских монастырей предписывалось предоставлять сведения о низших чинах запаса военно-сухопутного ведомства. В перечневой ведомости о составе низших чинов запаса от призыва в Екатеринбургской епархии освобождались следующие лица: учителя духовных учебных заведений (мужских и женских), учителя церковно-приходских школ и других низших учебных заведений Духовного ведомства, псаломщики, окончившие курс в духовных заведениях. От призыва не освобождались: не окончившие курса или не обученные в духовных заведениях псаломщики, послушники, вольнонаемные писцы, сторожа и т. д. [8].

Более плодотворной благотворительная деятельность монастырей Екатеринбургской епархии стала после начала Первой мировой войны. Уже в июле 1914 г., как только началась в уезде мобилизация, Верхотурский Николаевский монастырь расположил на своей территории три дружины ополченцев. Первая, обучаясь военной науке, квартировала здесь до ноября. Вторая – до марта, третья – до августа 1915 г. В монастырских конюшнях каждая дружина размещала всякий раз не менее ста человек. Одной из этих дружин – 580-й – архимандрит Ксенофонт вручил особое знамя, принадлежавшее в 1855 г. 2-й роте 246-й дружины верхотурских ополченцев – участников Севастопольской кампании [9].

На фронт ушли и верхотурские иноки. На обмундирование собственных ополченцев (более 50 человек – четвертая часть монашествующих), на материальное пособие для них монастырь затратил более 2000 руб. [9].

К началу XX в. деятельность монашеских общин стала важной составляющей социальной политики государства. Существование в среде общества такого института, как монашество, отвечало интересам самого общества, так как деятельность монастырей во всем ее многообразии была неразрывно связана с ответственностью по отношению к самым слабым и уязвимым членам этого общества [2].

Еще до начала Первой мировой войны монастыри призревали сирот различных сословий, для сирот при монашеских обителях открывались различные приюты. С началом войны количество инвалидов, детей увечных и убитых воинов возросло настолько, что на ежегодном съезде настоятелей и настоятельниц уральских монастырей, составившемся 15–16 июля 1914 г., было решено увеличить число призреваемых, находящихся на содержании православных обителей Восточного Урала. До этого во всех монастырях Екатеринбургской епархии монашествующие своим личным трудом и жертвованиями оказывали помощь действующей армии в снабжении бельем, одеждой и продовольствием, предлагали в своих лечебницах и больницах бесплатную медицинскую помощь больным и раненым воинам.

**Благотворительная деятельность уральских монастырей
в начале Первой мировой войны [10]**

Монастыри и общины Екатеринбургской епархии	Количество призреваемых детей:		
	до 16.07.1914 г	после 16.07.1914 г.	после 16.07.1915 г.
Верхотурский Николаевский монастырь	40	50	50 + 25 воинов-инвалидов
Далматовский Успенский монастырь	10	30	30
Екатеринбургский Новотихвинский монастырь	65	95	95
Верхтеченский Свято-Троицкий монастырь	несколько девочек – дочерей фронтовиков	30	30
Каменский Преображенский монастырь	-	25	25
Кыртомский Крестовоздвиженский монастырь	-	10	10
Красносельский Введенский монастырь	-	25	25
Колчеданский Покровский монастырь	8	30	30
Нижнетагильский Скорбященский монастырь	16	20	20
Каслинский Казанский монастырь	несколько девочек- сирот и дочерей бедных родителей	25	25
Верхотурский Покровский монастырь	22	45	45 + 4 воина
Верхотурский Успенский монастырь	15	30	30 + 5 воинов
Бобровская Алексеевская община	15	30	30
Сирбишенская Введенская община	3	15	15
Грязновская Покровская община	33	53	53
Усть-Карабольская Покровская община	-	5	5

Еще одной стороной социально-культурного воздействия монастырей было религиозное воспитание православных мирян. Священники обязаны были наблюдать за благонаравием и образованием детей духовенства и местных жителей. Православное духовенство, «проникнутое сознанием истинного своего значения и призвания», оставалось верным священному долгу учить и наставлять народ. Оно постоянно проводило религиозно-нравственные начала: «отеческим обращением, ясным, кратким и удобноприятным преподаванием ученикам и внушением их родителям пользы образования, основанного на слове божьем, духовенство не переставало поддерживать воспитание народа в духе православия и утверждения в нем нравственных правил христианской жизни» [11].

Первые сведения о деятельности обителей Восточного Урала по обучению элементарной грамотности относятся к началу XVIII в. Традиционно считается, что родоначальниками просвещения являются два старейших – Верхотурский Николаевский и Далматовский Успенский – мужских монастыря.

Изначально существование начальных школ при монастырях объяснялось сугубо прагматичными целями. Это было необходимо для кадрового обеспечения административного аппарата обителей и для профессиональной подготовки будущих священнослужителей. В дальнейшем, уже в XIX в., заведение начальных училищ стало и проявлением искреннего стремления монашествующих к благотворительности по отношению к детям-сиротам, а также дополнительным доводом при рассмотрении вопроса об официальном утверждении монастырей.

Архивные документы ГАСО указывают на огромные суммы, тратившиеся монастырями на устройство и содержание начальных образовательных заведений. Начальные школы были заведены при большинстве монастырей Екатеринбургской епархии [12].

Таблица 2

Сравнительный состав монашествующих Верхотурского Николаевского мужского монастыря по уровню грамотности в XIX–XX вв. (чел.)

Получение образования	Монастырь на 1870–1872 гг.	Монастырь на 1908 г.	Монастырь на 1913 г.
Высшее техническое образование	-	-	1
СПб духовная академия	1	-	-
Духовная семинария	4	2	2
Духовное училище	11	2	2
Техническое училище	-	-	10
Кадетский корпус	1	-	-
Народное училище	-	2	3
Горнозаводская школа	4	-	-
Церковно-приходская школа	-	-	14
Обучились грамоте в общине	-	-	25
Домашнее образование	3	46	72
Малограмотные	-	2	9
Неграмотные	-	7	54
Малолетние	11 (воспитывались в приюте при Верхотурском Николаевском училище)	12 (обучались при 2-классной школе при монастыре)	9 (обучались при 2-классной школе при монастыре)
Общий состав обители	24	164	202

В 80–90-х гг. XIX в., когда правительство активно поощряло учреждение церковно-приходских школ, только в женских монастырях в массовом порядке были организованы школы и для мальчиков и для девочек, причем на средства самих монастырей.

Таблица 3

Сравнительный состав монашествующих Екатеринбургского Новотихвинского женского монастыря по уровню грамотности в XIX–XX вв. (чел.)

Критерии сравнения	Монастырь на 1870–1872 гг.	Монастырь на 1913 г.
Грамотные:	218	123, из них:
- с домашним образованием		20
- с монастырским образованием		101
- обучились грамоте в общине		2
Неграмотные	45	11
Малограмотные	-	319 послушниц обучались чтению и письму в монастыре
Общий состав обители	263	989

В 1886 г. в Екатеринбургской епархии было 18 церковно-приходских школ и 27 школ грамотности, 3 училища: Екатеринбургское епархиальное женское училище, в котором обучалось 230 человек, Екатеринбургское духовное училище, в нем было 158 (+56 человек от казны), Далматовское духовное училище, в нем – 159 (+40 человек на казенном содержании) [13. С. 246]. Таким образом, социально-культурная деятельность и благотворительность монастырей Восточного Урала поддерживалась и на государственном уровне.

По сведениям на 1913 г., учебные заведения существовали при 11 из 15 монастырей и общин, существовавших в то время. Исключение составляли обители, расположенные вдали от населенных пунктов (например, Кыртомский Крестовоздвиженский мужской монастырь, Бобровская Алексеевская община), и бедные молодые обители, основанные в населенных пунктах, где уже имелись учебные заведения (например, Верхотурский Успенский женский монастырь).

В XIX в. инициаторами начального образования в основном выступали женские обители. Во-первых, потому, что их к концу XIX в. стало больше по количеству, по сравнению с мужскими монастырями. Во-вторых, благодаря этой деятельности можно было утвердиться в качестве православной обители, т. е. привлечь внимание общественности и благотворителей. Тем более что такие крупные женские монастыри, как Екатеринбургский Новотихвинский, поставляя своих учителей-монахинь во вновь появившиеся женские общины или недавно признанные в качестве монастыря приписанные к нему обители, распространяли тем самым свое влияние и свою «политику» по всему Восточному Уралу.

В Екатеринбургском Новотихвинском женском монастыре училище для девочек существовало с 1838 г., в 1865–1866 гг. оно стало 4-классным, имеющим характер среднего учебного заведения. 30 апреля 1880 г. оно было преобразовано в 6-классное [14].

Одновременно при обители, с разрешения епархиального начальства, в 1866 г. был открыт детский приют. В приюте детей, малолетних сирот обучали и воспитывали сестры обители. Первоначально в нем обучались и воспитывались девочки-сироты духовного звания, в возрасте 6–10 лет «чтению по церковной и гражданской печати, чистописанию, изучению символа веры, молитвы господней, десятословию, некоторым утренним и вечерним молитвам, рукоделию соответственно возрасту» [14]. После окончания обучения в приюте девочки могли поступать в 1-й класс училища.

Училище и приют содержались за счет средств монастыря, а вот девочки частью за счет обители, частью – за счет родителей, но большинство – за счет средств попечительства о бедных духовного звания. Количество детей каждый год варьировалось, в основном это зависело от наличия средств у обители на содержание училища, учителей, детей и приюта.

В 1877 г. Синод утвердил правила учреждения стипендий в женском училище при Новотихвинском монастыре: на каждую стипендиатку в год назначалось по 40 руб., по училищным округам Пермской епархии распределялись 16 стипендий среди девочек-сирот на обучение в училище. С 1885 г. количество вакансий увеличилось, их стало 30 [15]. В 1881 г. в училище было 22 ученицы, из них 8 воспитывались за счет родителей и родственников [16].

С 1878 г. начальница Екатеринбургского женского училища при Новотихвинском женском монастыре игуменья Магдалина уведомила председателя съезда духовенства епархии, что расходы по отоплению, освещению и ремонту училища принимаются на счет монастыря. Из денежной суммы, которая поступала на содержание училища, она предложила исключить расход на жалованье ей, как начальнице училища, в 500 руб. и эконому в 200 руб. Из этих средств стали оплачивать жалованье учителям – 500 руб., воспитательнице – 120 руб., помощнице вос-

питательницы – 60 руб. К этой сумме еще добавили жалования учителям 1140 руб. и воспитательнице 180 руб. Подобные расходы монастырь продолжал нести и в дальнейшем, после преобразования настоящего монастырского училища в Зауральское епархиальное [17].

Социальная деятельность Екатеринбургского Новотихвинского женского монастыря, будучи прежде всего проявлением искреннего христианского милосердия, стала еще и средством оздоровления самого монастырского быта, соединив внутренние цели монастыря с задачами социальной ответственности.

Для постройки зданий для церковно-приходских школ по указу Синода, с 1884 г. из казенных дач стали отпускать лес за половинную стоимость, содействуя делу образования [18].

С 15 ноября 1900 г. при Екатеринбургском женском монастыре была открыта одноклассная церковно-приходская школа¹ с общежитием при нем. На ее обустройство израсходовали 6400 руб., из которых 4000 руб. пожертвовал екатеринбургский купец М. И. Иванов, остальную часть – 2400 руб. – выделил монастырь. В 1903 г. в этой начальной школе обучалось 50 девочек, из них при монастыре проживало 37, а 13 были приходскими. Продукты питания, частично одежду и обувь они получали от монастыря. Кроме того, учительницам полагались от монастыря стол, квартира и жалованье по 60 руб. в год. Из своих средств женский монастырь в 1903 г. израсходовал на содержание школы и общежития 6429 руб. [19].

В дальнейшем в школе при монастыре смогли получать образование девочки не только духовного звания. Так, в 1903 г. из 50 девочек восемь были из крестьян и находились на полном монастырском иждивении [19]. Скорее всего, они в возрасте от 2 до 8 лет вначале попали в приют при монастыре, а достигнув 7–8-летнего возраста, продолжили обучение в монастырской церковно-приходской школе.

Дети в обители жили не только в приюте и общежитии, но и в сестринских корпусах, поскольку считались малолетними послушницами. В 1903 г., например, в монастыре проживало 100 детей в возрасте до 14 лет, из них только половина, очевидно те, которые были неграмотны, находились в общежитии. Большая часть таких девочек и после достижения совершеннолетия не покидали обитель, становились послушницами, некоторые из них переходили в другие женские общины Восточного Урала. Благодаря этому Екатеринбургский Новотихвинский женский монастырь всегда по составу был самым крупным, а по влиянию самым значительным.

Начальные школы для детей крестьян и горожан были и при мужских обителях, они открывались в конце XIX в., почти в одно время со школой и приютом в Екатеринбургском женском монастыре.

Первоначально при Далматовском Успенском мужском монастыре существовало, с 1816 г., духовное училище, которое получало помещения от монастыря и было на особых училищных правах. С 1818-го оно получило статус уездного духовного училища, а с 1881 г. в нем был установлен 4-летний курс обучения [20].

После перевода в 1886 г. в город Камышлов существовавшего при Далматовском монастыре училища, в обители с 1899 г. открылась 2-классная церковно-приходская школа для всех желающих. При ней существовала образцовая одноклассная начальная школа, где учащиеся 2-классной проводили уроки, прак-

¹ Церковно-приходские школы были одноклассные с двухлетним и двухклассные с четырехлетним курсом обучения. В них преподавались Закон Божий, церковное пение, чтение церковной и гражданской печати и письмо, начальные арифметические сведения. В двухклассных школах, сверх этого, давали сведения из истории церкви и Отечества.

тикуясь, готовились после окончания курса обучения стать учителями начальных народных школ. На содержание школы и учащихся денежные суммы ассигновались Синодом. В школах при монастыре обучались и малолетние послушники обители, которые содержались за счет монастыря. В 1906/07 учебном году в двухклассной обучали 31 ученика, а в образцовой одноклассной школе 45 человек. Среди них было 9 послушников, а в 1908-м – уже 15 человек в возрасте от 6 до 15 лет [21].

При Верхотурском Николаевском мужском монастыре по указу Синода от 25 августа 1867 г. был создан приют для воспитания и первоначального образования сирот из семей духовенства, куда принимались дети с 6 лет. Приют полностью содержался за счет обители, преподавание вели насельники монастыря, а главным попечителем считался настоятель. На содержание 10 мальчиков в приюте из монастырских сумм выделялось по 400 рублей в год [22].

Позднее при нем же появилась народная двухклассная школа. В 1905/06 учебном году она была преобразована из существовавшей с 1888 г. одноклассной церковно-приходской школы. При школе с 1906 г. было открыто общежитие для детей. Все заботы о школе и общежитии, в том числе само обучение, лежали на обители. В 1914 г. общежитие при школе было преобразовано в приют, увеличивавший с каждым последующим годом число призываемых детей солдат и беженцев в годы Первой мировой войны. Этот приют просуществовал до 1919 г., на 1 января этого года в нем находилось 42 мальчика в возрасте от 8 до 15 лет [23].

При вновь созданном на месте Верхтеченского Введенского монастыря Верхтеченском Покровском с 1868 г. появляется начальное училище для девочек, полностью содержащееся за счет средств обители. В нем обучались девочки из «окрестных» семей, преподаванием занимались в нем сестры обители и монастырский священник Стефан Шерстобитов [24]. В 1870 г. в училище было 12–14 девочек, а в 1871-м – 18, через десять лет, в 1881-м, – 23. Девочек учили чтению, письму и разным рукоделиям [25].

Такое же училище было создано и при Преображенской женской общине, существовавшей в поселке Каменского завода с 1860 г. Училище размещалось в монастырских зданиях и находилось полностью на иждивении обители. Обучением грамоте и рукоделиям занимались сестры монастыря и монастырский священник. Численность учениц варьировалась, но на протяжении нескольких лет там их никогда не было меньше 20 [26].

Такая же была при Покровской женской общине в селе Колчеданском с 1865 г. Фиксировать учащихся стали с 1870 г. В этой школе обучались 17 человек (четверо – послушницы общины); в 1871-м уже было 25 человек (трое – послушницы); в 1881-м стало 52 человека (шесть – послушницы) [27]. С 1874 г. жалованье учительнице и законоучителю было положено от Камышловского земства. Из 148 человек, живших в Колчеданском Покровском женском монастыре в 1908 г., 115 (78 %) получили начальное образование при этой обители (в школе или в виде «домашнего образования» под руководством грамотных сестер) [28].

В 1893 г. при Красносельском Введенском женском монастыре появилась церковно-приходская школа, содержавшаяся за счет монастыря и ирбитского земства, которое выдавало 240 руб. в год. В 1909/10 учебном году при ней обучались 15 девочек и 5 мальчиков [29].

С 1897 г. открылась школа грамоты для девочек при Нижнетагильской Скорбященской богадельне. В 1901 г. для школы было построено каменное здание. После того как богадельня получила статус общины, школа грамоты была преобразована в одноклассную церковно-приходскую школу. В 1904 г. община стала монастырем, при школе обучалось 40 девочек [30].

Таким образом, в начале XX в. все монастыри Восточного Урала содействовали просвещению и развитию образования на уровне постоянной социально-культурной деятельности обитателей.

Особой заботой Синода было обеспечение обитателей богослужебными и религиозными книгами. Монастыри имели собственные книгохранилища и библиотеки. Как свидетельствуют архивные документы, священнослужители вели переписку, делали запросы на приобретение духовной литературы из Московской Синодальной типографии, частных типографий Харькова, Перми, Екатеринбурга, как правило с целью распространения ее среди прихожан. Книги научного, популярного характера духовенство получало как вознаграждение за корреспонденции от статистических комитетов. Благочинным в конце XIX в. предписывалось устраивать новые библиотеки с противораскольничьими и противосектанскими книгами, постоянно пополняя ими уже имеющиеся при церквях библиотеки [31].

Обширные книжные собрания имелись при Верхотурском Николаевском монастыре (на 1910 г. – более 3500 экземпляров), Далматовском Успенском монастыре (на 1907 г. – 1480 экземпляров) [32], где братии вменялось в послушание чтение религиозной литературы, а в библиотеке были не только церковные книги, но и светские журналы. Известно о наличии библиотек в женских обителях, таких как Екатеринбургский и Красносельский монастыри. Вообще, богослужебные книги и литература духовного содержания были, несомненно, и в других монастырях, хотя в качестве отдельной библиотеки они могли и не фигурировать. Крупная иконно-книжная лавка была при Верхотурском Николаевском монастыре. Она обеспечивала религиозной литературой окрестные церкви, монастыри и многочисленных паломников [33. С. 309]. В 1885 г. Верхотурский Николаевский мужской монастырь выписывал такие периодические журналы, как “Церковный вестник”, “Христианские чтения”, “Душеполезные чтения”, труды Киевской духовной академии и другие богослужебные книги [34. С. 14].

Выдача книг из монастырской библиотеки осуществлялась только с благословения настоятеля или духовного отца. Об этом вели записи в особом реестре книгохранителей монастырей. Если священнослужители выходили за территорию монастыря, то у них монастырские книги по записке изымали. Тех, кто не соблюдал правил хранения книг, отправляли на вразумление к настоятелю [35].

Для иноков в уставе на случай хранения книг, полученных из монастырской библиотеки, содержались следующие предписания: «Если ты взял книгу из монастырской библиотеки, то ты должен хранить ее в целостности, чистоте и опрятности. Не держать книги возле ночника, так как часто из-за небрежности они заливаются постным маслом. Портятся они и на окнах в сыром месте, и на горячей лежанке у печи. Перед чтением нужно мыть руки, чтобы не замарать листы. Удерживать руку всякому от надписей и рисунков, вместо этого закладывать примечания, достойные внимания, обыкновенными бумажными или матерчатыми закладками. Кто из иноков какую книгу брал, в другие руки не отдавал без благословения. Монахам нельзя было писать никаких писем в келиях, так же как и делать выписки из книг. Если какому-нибудь иноку потребуется написать письмо, то с позволения настоятеля можно будет его составить в трапезной, пользуясь общей чернильницей и общей бумагой» [36]. Обычно никто в монастыре, кроме архимандрита, не писал писем.

Часто монастыри на территории Восточного Урала становились и центрами развития культуры.

Немаловажную роль в религиозном воспитании прихожан играло культовое искусство. Иконописные мастерские располагались не при всех уральских монас-

тырях. С особым вниманием современники отнеслись к открытию в Верхотурском Покровском женском монастыре в 1906 г. иконописной мастерской, которая сразу начала активно развиваться. «Это последнее предприятие обители в здешней местности весьма желательно, так как ни в самом городе, ни в окрестностях его иконописных мастерских вовсе не имеется», – отмечал церковный историк В. С. Баранов [37. С. 309].

Уральское духовенство принимало участие в общественно-краеведческом движении, развернувшемся на Урале в конце XIX в. Среди членов УОЛЕ (Уральского общества любителей естествознания) в 1870–1929 гг. насчитывалось более полусотни лиц из числа местных епископов, священнослужителей многих уральских церквей и монастырей, которые внесли определенный вклад в дело изучения истории Урала [38. С. 274–278].

Духовенство Екатеринбургской епархии активно занималось в конце XIX в. сбором статистических, сельскохозяйственных, этнографических и исторических сведений по уездам. Программы сбора материалов рассылались епархиальным начальством, Русским географическим обществом, губернским статистическим комитетом, УОЛЕ через благочинных епархии. С появлением периодических епархиальных изданий некоторые священники стали посылать свои материалы для публикации [39. С. 286]. Духовенство епархии изучало церковные архивы, многие вели научные исторические исследования. Поэтому было организовано «Екатеринбургское церковное археологическое общество», при котором устроили музей церковной истории епархии [40. С. 40].

В дальнейшем в ходе социально-экономического развития монастырей сложились основные направления монастырской социально-благотворительной помощи: 1) воспитание грудных и малолетних детей; 2) трудовая, жилищная, материально-денежная помощь нуждающимся беднякам; 3) помощь неполным семьям, богадельни и вдовьи приюты; 4) приюты для инвалидов войны; 5) медицинская помощь и уход за больными и ранеными, в том числе действующей армии; 6) детские и юношеские образовательные учреждения, в том числе приюты-мастерские и учебные заведения для детей с физическими недостатками; 7) братства трезвости и борьбы с народным пьянством; 8) приюты для инвалидов и помощь голодающим. Конечно, основным направлением монастырской социальной деятельности в разное время стала организация приютов для больных и немощных, а также богаделен для престарелых монашеского звания и мирян [2].

«Мы учитываем, что индивид, принимая на себя образцовые роли, ценности и поведение, пропагандируемые организацией, принимает на себя идентичность организации» [41. С. 247]. Поэтому монастырская социальная ответственность, облекаемая в форму благотворительности, стала одновременно причиной возникновения и главным показателем эффективности такого явления, как монастырская экономика, а ее масштаб и разнообразие указывали, насколько в реальности такая деятельность монастырей была обусловлена потребностями российского общества [42. С. 85–94].

Литература

1. Донцов А. И., Перелыгина Е. Б. Социальная стабильность: от психологии до политики : монография. – М. : Эксмо, 2011. – 544 с.
2. Рымарева А. С. Отечественная традиция социальной ответственности на примере монастырей дореволюционной России // Проблемы современной экономики. – 2007. – № 1 (21).
3. ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 448. Л. 1037.
4. ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 493. Л. 102.
5. ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 3091. Л. 93.
6. ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 49. Л. 178.

7. ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 3047. Л. 21.
8. ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 47. Лл. 102–103.
9. ГАСО. Ф.р-2788. Оп. 1. Д. 69. Л. 36.
10. Монастырский благовест. – 1998. – № 3. – С. 6–7; Верхотурская старина. – 2001. – № 2. – С. 10.
11. ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 394. Л. 3.
12. ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 688. Лл. 1–304; Д. 441. Лл. 2об–41; Д. 731. Лл. 1–442.
13. Екатеринбургские епархиальные ведомости. – 1887. – № 11.
14. ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 493. Лл. 101–102.
15. ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 682. Л. 90.
16. ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 493. Л. 101об.
17. ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 632. Л. 91.
18. ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 500. Л. 192.
19. ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 165. Лл. 28об–29.
20. ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 493. Л. 96.
21. ГАШ. Ф. 244. Оп. 1. Д. 3091. Лл. 92–93.
22. ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 419. Л. 105.
23. ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 733. Лл. 8–8об.; Д. 737. Лл. 16–34об.
24. ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 493. Л. 108об.
25. ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 454. Лл. 124–125, 340об, 377; Д. 493. Л. 108об.
26. ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 493. Л. 129.
27. ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 454, 493. Лл. 135–136.
28. Подробнее см.: Нечаева М. Ю. Начальные школы при монастырях Восточного Урала. – Екатеринбург, 2000. – URL: <http://atlasch.narod.ru/>
29. ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 695. Л. 45об.
30. Павловский С. Нижнетагильский Скорбященский женский монастырь Екатеринбургской епархии // Екатеринбургские епархиальные ведомости. – 1905. – № 10–11.
31. ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 47. Л. 69.
32. ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 3047. Л. 92.
33. Нечаева М. Ю. Грамотность монашества Екатеринбургской епархии в начале XX века // Урал в прошлом и настоящем. – Екатеринбург, 1998. – Ч. I.
34. История Николаевского мужского монастыря 1885 г. // Верхотурская старина. – 2000. – № 11–12 (35–36).
35. ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 559. Л. 150об.
36. ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 559. Лл. 149об–150.
37. Баранов В. С. Покровский женский монастырь в городе Верхотурье // Екатеринбургские епархиальные ведомости. – 1907. – № 15–16.
38. Зорина Л. И. Уральское духовенство и общественно-краеведческое движение на Урале конца XIX – начала XX в. // Культурное наследие российской провинции: история и современность. К 400-летию г. Верхотурья : тезисы докладов и сообщений Всероссийской научно-практической конференции 26–28 мая 1998 г. – Екатеринбург, 1998.
39. Королева О. Л. Приходское духовенство Верхотурского уезда во второй половине XIX в. // Культурное наследие ...
40. Ворошилин С. И. Храмы Екатеринбурга. – Екатеринбург, 1995.
41. Бусыгина И. С. Корпоративная безопасность и «самость» организации: акмеологический подход // Мир психологии. – 2010. – № 4.
42. См. подробнее: Андреева Е. В. Хозяйственная деятельность монастырей Восточного Урала и ее социальное значение // Вестник Гуманитарного ун-та. – 2013. – № 2 (2).